

О нихъ еще преданья полны...
Какъ призракъ, памятникъ безмолвный.
Свидѣтель тѣхъ волшебныхъ дней,
Между деревьями чернѣть.
Внизу разсыпался аулъ,
Земля цвѣтетъ и зеленѣтъ,
И голосовъ нестройный гулъ
Теряется, — и караваны
Идутъ, звеня, издалека,
И, низвергаясь сквозь туманы,
Блестить и пѣнится рѣка.
И жизнью вѣчно-молодою,
Прохладой, солнцемъ и весною
Природа тѣшится шутя,
Какъ беззаботное дитя.

Но грустенъ замокъ, отслужившій
Когда-то въ очередь свою,
Какъ бѣдный старецъ, пережившій
Друзей и милую семью.
И только ждуть луны восхода
Его незримые жильцы:
Тогда имъ праздникъ и свобода!
Жужжать, бѣгутъ во всѣ концы.
Сѣдой паукъ, отшельникъ новый,
Прядетъ сѣтей своихъ основы;
Зеленыхъ ящерицъ семья
На кровлѣ весело играетъ,
И осторожная змѣя
Изъ темной щели выползаетъ
На плиту стараго крыльца:
То вдругъ совется въ три кольца,
То ляжетъ длинной полосой,
И блещетъ, какъ булатный мечъ,
Забытый въ полѣ давнихъ сѣчъ,
Ненужный падшему герою...
— Все дико. Нѣтъ нигдѣ слѣдовъ
Минувшихъ лѣтъ: рука вѣковъ